

АГРАНАТ, Т. Б.

Распределение дейктических показателей в ижорском языке

Ingrian deictic makers in the deictic function as well as in the anaphoric, cataphoric and exophoric functions in diachrony are traced in the paper. In addition, the question why, in contrast to some closely related languages, in contemporary Ingrian any deictic pronouns have article-like usage is discussed. The author draws the conclusion that the reason is that while in Finnish and Votic narratives of the 19-th century an NP which is preceded by the pronoun *se* is typically an NP whose referent is a central character in the story and also the clustering of *se*-marked NPs is at a crucial point of narrative, thus *se*-marked NPs do not only occur with prominent participants in a narrative, but they also seem to cluster in foregrounded clauses, in Ingrian both conditions have to coincide.

Keywords: the Ingrian language, deictic pronouns, deictic adverbs, anaphora, cataphora, exophora, definite article.

1. Введение

Специальных работ о пространственном дейксисе в ижорском языке нет. В настоящей статье будут рассмотрены ижорские дейктические показатели в собственно дейктической функции, в анафорическом, катафорическом и экзофорическом употреблении на материале разных синхронных срезов, а также будет сделана попытка объяснить, почему в ижорском, в отличие от ряда близкородственных языков, не начался процесс грамматикализации указательного местоимения в определенный артикль.

2. Дейктическая функция

Самое раннее описание грамматики ижорских диалектов было сделано в XIX. в. В. Поркка, на тот момент были живыми сойкинский, ордежский, хэваский и нижнелужский диалекты, в поле зрения автора попали все диалекты, кроме ордежского. В. ПОРККА приводит указательные местоимения с переводами на немецкий язык: *tämä* 'dieser', *se* 'der' und *tô*¹ 'jener vorhanden' (ПОРККА 1885: 83) для сойкинского и хэваского диалектов. В нижнелужском отсутствует местоимение *tô*, что можно объяснить влиянием водского языка, с которым нижнелужский диалект находится в очень близком контакте и в котором система дейктических местоимений двучленная.

¹ Так ПОРККА обозначает долготу гласного.

Там же приводятся дейктические наречия: *tôal, -lt, -lek* (Hv²), *tôal, -lt, -lle* (Sk³) 'da', 'von da', 'dahin'; *sêl, sêlt, sinnek* (Hv) *sinne* (Sk) 'da' (ferner), 'von da; dahin' (PORKKA 1885: 128). Почему-то из грамматического описания выпала еще одна серия наречий – ближнего дейксиса, которая встретилась в тексте сказки „Золотая птица”, записанной тем же автором на сойкинском диалекте (PORKKA 1885: 131–134). В этом тексте не встречаются местоимение *tô* и наречия серии *tôal, tôlt, tôlle*. Местоимения и наречия двух других серий в дейктической функции здесь имеют следующую дистрибуцию. Местоимение *se* и соответствующая наречная серия (*sêl, sêlt, sinne*) выражают более отдаленное нахождение от дейктического центра, чем местоимение *tämä* и соответствующая наречная серия (*täss, tähä*; в тексте не встречается третье наречие из этой серии).

1. *I män-i-∅sinne⁴ ädi-llee.* (PORKKA 1885: 133–134)
и идти-PST-3SG туда отец-ALL
'И пошел туда к отцу.'
2. *Ô siä nüt täss, a miä mää-n*
быть.IMP.3SG ты теперь здесь а я идти.PRS-1SG
saa-ma-a tüttoj-ä. (PORKKA 1885: 131–132)
получать-NMLZ-ILL девушка-PART
'Будь ты теперь здесь, а я пойду добывать девушку.'

В XX. в. А. ЛААНЕСТ в описании, построенном на базе хэваского диалекта, в настоящее время вымершем, пишет: „общая ориентация в пространстве относительно близкого/отдаленного выражается указательными местоимениями *tämä* 'этот', *tô* 'тот' или наречиями: *täs* 'здесь', *tôs* 'там'” (ЛААНЕСТ 1993: 59). Тот же автор в обзоре, за основу которого взят сойкинский диалект, пишет, что в качестве указательных местоимений выступают *tämä* 'здесь находящийся', *se* 'этот', *tô* 'тот' (ЛААНЕСТ 1966: 108). (Ср. фин. *tämä* 'этот' (находящийся в непосредственной близости, досягаемости), – *tuo* 'тот' (находящийся на некотором отдалении, но видимый говорящим) – *se* 'тот' (находящийся за пределами двух последних; *se* употребляется также в качестве анафорического средства) (ЕЛИСЕЕВ 1993: 97).

Современные носители сойкинского диалекта, как показывают полевые исследования автора, отрицают наличие местоимения *too*. В текстах на этом диалекте, записанных в середине XX в. (ARISTE 1960), местоимения

² Хэваский диалект.

³ Сойкинский диалект.

⁴ В ижорском, как и во всех прибалтийско-финских языках, при именах со значением места употребляются дейктические наречия.

too, как и наречия этой серии, не встречается. Правда, оно могло просто не попасть в выборку.

В речи современных носителей сойкинского диалекта, кроме двух серий наречий дальнего и ближнего дейксиса, появилось несерийное наречие среднего дейксиса *tänne* 'сюда', по отношению к говорящему дальше, чем *tähä*. Система пространственного дейксиса у всех информантов одинаковая, в отличие от близкородственного водского языка, где набор пространственных показателей различается по идиолектам как качественно, так и количественно (подробно об этом см. АГРАНАТ 2008).

3. Анафорическая, катафорическая и экзофорическая⁵ функции

В тексте сказки „Золотая птица” (PORKKA 1885) в анафорической (3) и катафорической (4) функции употребляется только *se* (и соответствующая серия наречий).

3. *Siit suzi män-i-∅ katso-ma-a sidä*
тогда волк идти-PST-3SG смотреть-NMLZ-ILL SE.PART
poika-a, migä ol-i tabe-ttu. (PORKKA
1885: 133)

юноша-PART который быть-PST-3SG убивать-PTCP
'Тогда волк пошел смотреть на того юношу, который был убит.'

4. *Kumba saa-p sen-en löi-n ja*
который получать.PRS-3SG SE-GEN пуля-GEN и
tô-b miu-lle, si-lle siit kaig
приносить.PRS-3SG я-ALL SE-ALL тогда все
ne riissa-t

эти вещь-NOM.PL. (PORKKA 1885: 133)

'Который достанет эту пулю и принесет мне, тому тогда все эти вещи (достанутся).'

В экзофорической функции в речи рассказчика употребляется *se* (и серия наречий) (5), в прямой речи – *tämä* (и серия наречий) (6).

5. *Män-i-∅ sinne pahalaize-lle otta-ma-a sidä*
идти-PST-3SG туда черт-ALL брать-NMLZ-ILL SE.PART
tüttöj-ä. (PORKKA 1885: 131–134)
девушка-PART

'Пошел к тому черту взять ту девушку.'

⁵ О различиях между дейктическим, экзофорическим и анафорическим употреблением указательных местоимений см., например (КІВРІК 2011: 37).

6. *Nyt taba-mma tämä-n veljä-n.*
(PORKKA 1885: 132–133)
теперь убивать.PRS-1PL ТÄMÄ-GEN брат-GEN
'Теперь убьем этого брата.'

В текстах (ARISTE 1960) в анафорической (7), катафорической (8) и экзофорической (9) функциях употребляется *se*.

7. *Kumb ol-i-∅ köühä, se ran-i-∅*
который быть-PST-3SG бедный SE клась-PST-3SG
vitso-i-lla. (ARISTE 1960: 9)
прут-PL-AD
'Кто был бедный, тот крепил прутьями (изгородь).'
8. *Se istu-i-∅ seel, kel⁶ löü-zi-∅*
SE сидеть-PST-3SG там кто находить-PST-3SG
(ARISTE 1960: 44).
'Тот сидел там, кто нашел (деньги).'
9. *Petja män-i-∅ pohja-a. Se ol-i-∅*
Петя идти-PST-3SG дно-ILL SE быть-PST-3SG
plemmänikkä. (ARISTE 1960: 10)
племянник.
'Петя пошел ко дну. Это был племянник.'

4. Смежные значения дейктических показателей

Как известно, среди уральских языков только в венгерском есть настоящий артикль, а также в мордовских языках существует морфема, которую иногда называют постпозитивным артиклем. Тем не менее, уже довольно давно было замечено, что в разговорных финском и эстонском языках указательное местоимение дальнего дейксиса *se* (фин.) = *see* (эст.) если не стало артиклем, то находится в процессе грамматикализации.

Относительно эстонского указательного местоимения *see* Р. ПАЮСАЛУ, которая изучала употребление этого местоимения в качестве артикля в разговорном эстонском, делает вывод, что его употребление необязательно, следовательно, оно не грамматикализовалось полностью (PAJUSALU 1997: 173).

Что касается финского указательного местоимения *se*, некоторые авторы считают, что оно уже стало артиклем (см., например, LAURY 1991, 1996), другие же признают, что его употребление почти обязательно, но оно еще не грамматикализовалось в артикль (CHESTERMAN 1991).

⁶ Текст записан в фонетической транскрипции, в результате сандхи *ken > kel*.

Р. ЛАУРИ делает вывод, что местоимение *se* стало употребляться как артикль только в современном финском языке, и прослеживает этот процесс в диахронии. Исследуя финские сказки XIX в., Р. ЛАУРИ обнаруживает, что *se* стоит в препозиции к такой именной группе, референтом которой является протагонист или, другими словами, ключевой персонаж сказки. Она также отмечает, что именная группа может маркироваться местоимением *se* в ключевых моментах повествования (см. LAURY 1991). Таким образом, в финских нарративах XIX в. возможны два основания для появления *se* в выделительной функции.

Уже в современном финском языке *se* грамматикализовалось в определенный артикль, т. е. говорящие регулярно маркируют определенное имя с помощью *se*. Исследователь описывает данный процесс следующим образом. Первоначально *se* имело чисто дейктическую функцию, указывало на конкретную пространственную локализацию референта, к XIX в. *se* приобрело функцию выделения в дискурсе и стало употребляться с выделенными референтами, известными из предшествующего контекста. Известные из контекста и данные концепты узнаваемы; и артиклевые языки, такие, как английский, маркируют и известные из контекста, и данные именные группы как определенные. Таким образом, начав выражать определенность, *se* подверглось реанализу и грамматикализовалось в определенный артикль в разговорном финском. Став показателем определенности, *se* утратило функцию маркера выделенной именной группы (см. LAURY 1991: 115).

Проведенные исследования (AGRANAT 2015) показывают, что в водском нарративе XIX в. аналогичное указательное местоимение *se* предшествовало именным группам, известным из предшествующего контекста, выделенным и данным, но последним не так часто, как известным из контекста. Кроме того, референт именной группы, маркированной местоимением *se*, занимает важную позицию в повествовании, является протагонистом. В ключевых моментах нарратива именным группам также предшествует *se*.

В современном водском языке ситуация изменилась, *se*, как и в финском языке, утратило функцию маркера выделения именной группы и стало показателем определенности, приобретя почти все свойства определенного артикля по GREENBERG (1978) кроме одного – обязательности. Таким образом, оно находится на пути грамматикализации, но не достигло даже Стадии I по GREENBERG (1978) развития указательного местоимения в определенный артикль. Тенденция к грамматикализации местоимения *se* в определенный артикль была спровоцирована его исторической ролью маркера центрального персонажа либо ключевого момента повествования.

В современном ижорском языке отсутствует артиклевое употребление какого-либо указательного местоимения. Интересно проследить поведение

se в ижорском нарративе XIX. в. таким же образом, как это было сделано для финского в LAURY (1991) и для водского в AGRANAT (2015).

Проанализируем текст сказки „Золотая птица”, упомянутый выше.

Жил давно царь. У него было три сына. У царя был очень красивый сад, в саду росли золотые яблоки. Царь считал яблоки на одном дереве, и каждую ночь пропадало по одному яблоку. Тогда царь послал своего старшего сына сторожить сад.

10. *Se poiga män-i-∅ vahti-i.*
 SE сын идти-PST-3SG вахта-ILL
 ’Этот сын пошел сторожить.’

В этом предложении *se* употреблено в анафорической функции.

Старший сын лег спать и не увидел вора. Утром пришел домой и сказал отцу, что не видел вора. На следующую ночь пошел другой сын, тоже лег спать и наутро сказал, что не видел вора. На третью ночь пошел третий сын. В середине ночи появился вор – прилетела птица. У птицы в хвосте были золотые перья. Юноша выстрелил в птицу, у птицы выпало золотое перо. Он его взял и пошел спать. Утром сын отнес отцу золотое перо. Отец спросил, как он достал перо. Сын ответил, что вора не поймал, но видел. Тогда отец отправил всех трех сыновей искать вора и дал им коней. Все трое отправились искать, дошли до развилки и повернули в разные стороны. Младший пошел направо. Увидел волка на краю дороги, у него было ружье, и он хотел выстрелить в волка. Волк попросил его не стрелять, спросил, куда он идет и велел отпустить коня и сесть к нему на спину. И они отправились за девять царств, где была птица, которая воровала яблоки.

11. *Siit se suzi sao-i-∅ : miä jää-n*
 тогда SE волк сказать-PST-3SG я оставаться.PRS-1SG
tähä, siä mää varasta-mma-a lintu-a,
 сюда ты идти.IMP.2SG воровать-NMLZ-ILL птица-PART
i sao-i-∅ poja-llee: lintu on
 и сказать-PST-3SG юноша-ALL птица быть.PRS.3SG
pahaisee-s kletaa-s.
 плохой-IN клетка-IN
 ’Тогда волк сказал: „Я останусь здесь, а ты иди воровать птицу, – и сказал юноше –, птица в плохой клетке”.’

В этом месте повествования *se* встречается второй раз. Этим местоимением маркируется *suzi* ’волк’, поскольку он протагонист, но волк уже несколько раз появлялся в тексте, а местоимение перед ним стоит впервые. Дело в том, что данный момент сказки – один из ключевых.

Повествование продолжается. Волк велит юноше взять птицу, но не трогать клетку. Юноша не понимает, как это возможно, и берет птицу вместе с клеткой. Его поймали.

12. Ja *kunigshaa-l ol-i-∅ sano-ttu: ken sene-n*
и царь-AD быть-PST-3SG сказать-PTCP кто SE-GEN
linnu-n varasta-a, niin siit sill
птица-GEN воровать.PRD-3SG так тогда SE.AD
kerra-l tabe-taa.
раз-AD убивать-IPS
'И царем было сказано: „Кто ту птицу украдет, тогда сразу будет убит”.'

В этом предложении *se* употребляется в экзофорической функции в косвенной речи.

(В дальнейшем при анализе сказки примеры на анафорическое, катафорическое и экзофорическое употребление данного местоимения и соответствующей серии наречий будут опущены, т. к. выше об этом шла речь).

13. I *vêti-i se pojga kunigaha-lle, ja kunigas*
и вести-IPS-PST SE юноша царь-ALL и царь
küzü-i-∅: kenen siä ô-t pojga
спрашивать-PST-3SG кто ты быть.PRS-2SG юноша
ja kust siä ô-t.
и откуда ты быть.PRS-2SG.
'И привели этого юношу к царю, и царь спросил: „Кто ты, юноша, и откуда?”'

Впервые *pojga* 'юноша' употребляется с *se*, и опять маркирован ключевой персонаж в ключевой момент повествования.

Юноша рассказывает все и просит его отпустить. Царь обещает его отпустить, если он приведет от другого царя златогривого коня.

14. Ja *se pojga läks-i-∅ saa-ma-a*
и SE юноша отправляться-PST-3SG получать-NMLZ-ILL
hevois-t.
конь-PART
'И юноша отправился добывать коня.'

Опять ключевой момент сказки и маркирован ключевой персонаж – юноша.

Волк велит брать коня без уздечки, иначе он опять попадетсЯ.

И снова ключевой персонаж и ключевой момент:

15. *Ja se pojga läks-i-∅: saa-ma-a*
 и SE юноша отправляться-PST-3SG получать-NMLZ-ILL
hevois-t i tuumaja-a: kuin miä oda-n
 конь-PART и думать-PRS-3SG как я брать-PRS1SG
heppoize-n ilma suitsi-da laa oda-n
 конь-GEN без уздечка-PART пусть брать.PRS-1SG

suitsetki.

уздечка

’И юноша отправился добывать коня и думает: „Как я возьму коня без уздечки, возьму-ка я коня с уздечкой”.’

Его поймали, но обещали отпустить, если привезет царевну из другого царства. Сын и волк выкрали царевну, волк решил, что отдавать девушку жаль.

16. *Ja se suzi noiz-i-∅ tüdöi-ks.*
 и SE волк стать-PST-3SG девушка-TR
 ’И волк превратился в девушку.’

И опять маркирован протагонист в ключевой момент сказки.

Затем волк превратился в златогривого коня, в конце концов, они ушли с царевной, конем и птицей.

17. *Siit se pojga küssü-ü sue-lt, e-t-kä*
 тогда SE юноша спрашивать.PRS-3SG волк-ABL NEG-2SG-INT
siä tiiä, miz ovad miu-n
 ты знать где быть.PRS-3PL я-GEN
veljään-t?
 брат-NOM.PL

’Тогда юноша спрашивает у волка: „Не знаешь ли ты, где мои братья?”.’

Конечно, это ключевой момент повествования, потому что волк отвечает, что знает, но юноше лучше не знать. Все-таки сказал юноше, тот туда отправился, а братья его убили и забрали птицу и коня. Старший брат решил жениться на царевне. Волк юношу оживил, и тот отправился искать царевну. Для нахождения царевны он должен был вступить во взаимодействие с чертями. И снова ключевой момент: на дороге дерутся три черта.

18. *Se pojga küssü-ü: midä töö tappele-tta?*
 SE юноша спрашивать.PRS-3SG что вы драться.PRS-2PL
 ’Юноша спрашивает: „Что вы деретесь?”.’

Следующий ключевой момент – в самом конце повествования:

19. *Kutsu-tti-i se suzi pulmi-i,*
звать-IPS-PST SE волк свадьба-ILL
ja suzi tul-i-∅ kolmee-l heboisee-l.
и волк приезжать-PST-3SG три-AD конь-AD
'Волка позвали на свадьбу, и волк приехал на тройке.'

В отличие от финского и водского нарратива XIX. в., где именная группа, которой предшествует указательное местоимение *se*, или референтна протагонисту, или появляется в ключевом моменте повествования, в ижорском обязательно должны совпасть оба эти условия. Возможно, именно это послужило причиной тому, что в ижорском языке не начался процесс грамматикализации *se* в определенный артикль, в отличие от того, как это происходит в родственных языках.

5. Заключение

В статье были рассмотрены ижорские дейктические показатели в собственно дейктической функции, в анафорическом, катафорическом и экзофорическом употреблении на материале засвидетельствованных синхронных срезов XIX и XX вв., а также современных полевых данных автора. В целом диахронические изменения оказываются незначительными, а у современных носителей отсутствует вариативность систем пространственного дейксиса, и то, и другое – в отличие от близкородственного водского языка.

Кроме того сделана попытка объяснить, почему в ижорском, в отличие от ряда близкородственных языков, не начался процесс грамматикализации указательного местоимения в определенный артикль. Анализ ижорского нарратива XIX. в. показал, что, в отличие от финского и водского нарратива XIX. в., где именная группа, которой предшествует указательное местоимение *se*, или референтна протагонисту, или появляется в ключевом моменте повествования, в ижорском обязательно должны совпасть оба эти условия. Возможно, именно это послужило причиной тому, что в ижорском языке не начался процесс грамматикализации *se* в определенный артикль, в отличие от того, как это происходит в родственных языках.

Сокращения

ABL	= аблатив	NEG	= отрицательный глагол
AD	= адессив	NOM	= номинатив
ALL	= аллатив	PART	= партитив
GEN	= генитив	PL	= множественное число
ILL	= иллатив	PRS	= настоящее время
IMP	= императив	PST	= прошедшее время
IN	= инессив	SG	= единственное число
INT	= вопрос	TR	= транслатив
IPS	= имперсонал		

Библиография

- АГРАНАТ, Т. (2008), Изменение системы пространственного дейксиса в водском языке In: SANUKOV, K. N. – TINONOV, K. N. – GALKIN, I. S. – ZORINA, Z. G. – IVANOV, I. G. – SAVITOV, S. S. (red.), *Congressus X Internationalis Fenno-Ugristarum. Yoshkar-Ola 15–21. VIII. Pars IV. Yoshkar-Ola. 179–184.*
- ЕЛИСЕЕВ, Ю. С. – МАЙТИНСКАЯ, К. Е. (отв. ред.) (1993), *Языки мира. Уральские языки.* Наука, Москва.
- ЕЛИСЕЕВ, Ю. С. (1993), Финский язык. In: ЕЛИСЕЕВ – МАЙТИНСКАЯ 1993: 90–115.
- ЛААНЕСТ, АРВО (1966) Ижорский язык In: ЛЫТКИН, В. И. – МАЙТИНСКАЯ, К. Е. (ред.), *Языки народов СССР. III. Финно-угорские и самодийские языки.* Наука, Москва. 102–117.
- ЛААНЕСТ, АРВО (1993), Ижорский язык. In: ЕЛИСЕЕВ – МАЙТИНСКАЯ 1993: 55–63.
- АГРАНАТ, Т. (2015), The Definite Article in Votic: the Process of Grammaticalization. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics* 6: 41–53.
- ARISTE, P. (1960), Isuri keelenäiteid. Keele ja kirjanduse instituudi uurimused 5: 7–68.
- CHESTERMAN, A. (1991), *On Definiteness.* Cambridge University Press, Cambridge.
- GREENBERG, JOSEPH (1978), „How does a language acquire gender markers”. In: GREENBERG, JOSEPH H. (ed.), *Universals of Human Language* 3. Stanford University Press, Stanford. 47–82.
- KIBRIK, A. (2011), *Reference in Discourse.* University Press Oxford, Oxford.
- LAURY, R. (1991), On the Development of the Definite Article *se* in Spoken Finnish. In: VILKUNA, MARIA – ANTTILA, ARVO (toim.), *Suomen kielitieteellisen yhdistyksen vuosikirja. Suomen kielitieteellinen yhdistys, Helsinki.* 93–121.
- PAJUSALU, R. (1997), „Is there an article in (spoken) Estonian?” In: EREL, MATI (ed.), *Estonian: Typological Studies II.* Tartu Riikliku Ülikooli Eesti Keele Õppetooli Toimetised 8. Tartu. 147–175.
- PORKKA, V. (1885), *Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte.* J. C. Frenckell & Sohn, Helsingfors.